

Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий

**Евгений Всеволодович
БАЛАЦКИЙ**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: evbalatsky@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

Аннотация. В статье рассматривается ситуация попадания России в 2022 году в эпицентр геополитических сдвигов, когда она оказалась в состоянии гибридной войны с коллективным Западом. Новизна авторского подхода состоит в реконструкции ключевых событий геополитической конкуренции последних 15–20 лет с привлечением обширного арсенала смежных научных понятий: экономических (ошибка Траута, неоколониализм), кибернетических (законы Эшби и Седова), управленческих (внешнее управление, гибридная война), синергетических (синергетический эффект, сложность системы), политологических (безопасность, свобода, структура власти), политэкономических (цикл накопления капитала Арриги, мировой центр капитала, норма прибыли), институциональных (перекладывание физических рисков в социальные), географических (горизонтальная диффузия инноваций), психологических (война смыслов, война нервов). Это позволило собрать воедино многие плохо совместимые явления разной природы, осуществить синтез используемых понятий и раскрыть логику процесса борьбы геополитических игроков за мировую гегемонию. Для углубления анализа дана авторская типология мировых войн и их характеристики. Обосновано, что специальная военная операция на Украине обнажила тупиковость экономического курса России и консолидировала другие страны в гибридной войне против США, тем самым став ключевым событием истории и дав старт глобальному геополитическому противостоянию Запад/Не-Запад. Главный вывод исследования состоит в том, что Россия объективно оказалась в эпицентре геополитической

Для цитирования: Балацкий Е.В. (2022). Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 42–59. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.3

For citation: Balatsky E.V. (2022). Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: Accumulation of global contradictions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 42–59. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.3

турбулентности, а потому не может уклониться от прямого столкновения с коллективным Западом, следовательно, на протяжении последующих 15–20 лет ей предстоит пройти все этапы новой мировой войны гибридного типа.

Ключевые слова: геополитическая турбулентность, мировой центр капитала, конкуренция, война, мирохозяйственная система.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2022 г. по теме «Социально-экономическое развитие в эпоху фундаментальной трансформации систем».

Введение

В 2022 г. накопленные противоречия между коллективным Западом и Россией, равно как и внутри самой РФ, вылились в специальную военную операцию (СВО) России на Украине. Сегодня уже всем ясно, что СВО является не противостоянием двух государств – России и Украины, а разрушением консенсуса по поводу предыдущих соглашений о разделе мира. В связи с этим возникший военный конфликт послужил своеобразным детонатором к сворачиванию глобализации мира и созданию региональных геополитических блоков стран. Совершенно очевидно, что масштаб пришедших в движение сил в перспективе приведет к пересмотру прежнего мирового порядка и формированию новой геополитической конфигурации. Вместе с тем многие аспекты начавшихся сдвигов еще не до конца ясны и трудно понимаемы из-за вхождения мировой системы в переходный режим, который принято называть режимом *глобальной турбулентности* и для которого характерна неустойчивость многих процессов и нестроенность всех социальных механизмов взаимодействия участников глобального политического рынка.

Главное событие последних десятилетий – СВО – обнажило многие скрытые стратегии Запада, России и других глобальных игроков мирового политического пространства, что ставит задачу переосмысления большого отрезка мировой истории и создания нового социального знания, способного системно объяснить события нынешнего и будущего времени. Эта задача выходит за рамки одной социальной науки и составляет содержание блока из трех авторских статей. В данной – первой – статье этого блока рассмотрим период 1945–2022 гг., в течение которого постепенно накапливались

противоречия послевоенной системы мирового порядка. Авторский подход состоит не только в новой трактовке рассматриваемых событий и процессов, но и в новом объяснении причин их возникновения и логики протекания.

Мировые войны: новая хронология и реконструкция событий

Россия в своих разных ипостасях – Российская империя, СССР или нынешняя Российская Федерация – на протяжении, по крайней мере, последних 200 лет всегда была одним из главных игроков мирового геополитического пространства (МГПП). Неудивительно, что и в 2022 г. посредством СВО именно Россия положила старт деглобализации МГПП (Ильин, Морев, 2022). Рассмотрим генезис этого события.

Традиционная хронология и понимание мировых войн таково: в 1914–1918 гг. имела место Первая мировая война, в 1939–1945 гг. – Вторая. С этого момента человечество с опасением ждет Третьей мировой войны. Однако в настоящее время есть два тезиса, которые обретают все большее значение и позволяют по-иному посмотреть на мир. Первый состоит в том, что война никогда не заканчивается до конца, а потому «история всех до сих пор существовавших обществ была историей войн и военного искусства» (Девятов, 2020а, с. 11). Второй тезис связан с эволюцией самого явления войны, а именно с окончательной кристаллизацией ее новой формы – войны гибридного типа (Комлева, 2017). Сегодня гибридная война представляет собой *войну смыслов и нервов* и ставит своей целью «оглушение национальных элит и оскотинивание (расчеловечивание) масс» (Девятов, 2020б, с. 83). Соответственно, задача *войны смыслов* состоит в разрушении культуры

народа-противника – его традиционной картины мира, этических и эстетических координат, ценностей, веры и других элементов мировоззрения. Задача *войны нервов* заключается в том, чтобы добиться максимально быстрой и точной реакции своих сил на сигналы управления и, наоборот, затормозить реакцию противника за счет апатии или изматывающего деструктивного возбуждения (Девятков, 2020b, с. 159). Война гибридного типа является по своей сути информационной, ее «удары» встраиваются в национальную экономику и культуру, нарушая их исходный формат и направление эволюции.

Если не учитывать указанные концептуальные положения, то послевоенное развитие мира адекватно описать становится практически невозможным. Если же эти уточнения принять, то получим следующую хронологию мировых войн: 1914–1918 гг. – Первая мировая война (горячая); 1939–1945 гг. – Вторая мировая война (горячая); 1945–1991 гг. – Третья мировая война (холодная); 2014 – н/в – Четвертая мировая война (гибридная). В *таблице* приведены характеристики указанных четырех мировых войн, что требует определенных комментариев.

Во-первых, особенностью Первой и Второй мировых войн был их *горячий* характер, т. е. действия на физическое уничтожение противника – его живой силы и инфраструктуры. При этом уровень технологического развития человечества в Первую мировую войну еще не позволял осуществить тотальное уничтожение противника, тогда как во Вторую мировую, закончившуюся испытанием атомной бомбы, – это уже было возможно. После испытания Соединенными Штатами Америки атомной бомбы практически сразу началась Третья мировая война, когда противостояние между сложившимися двумя центрами силы – США и СССР – носило глобальный характер, ибо захватывало мировые капиталистическую и социалистическую системы и имело форму военно-техно-

логического соревнования. Задачами этого периода стало обретение участниками войны более совершенного оружия массового поражения и дискредитация самой сущности социальной системы противника. Это подразумевало *войну за умы* населения страны-противника и нанесение максимального урона ее экономике. Именно поэтому можно говорить о *гибридном характере* Третьей мировой войны, которая по масштабу противостояния была ограниченной в силу ограниченности возможностей информационных систем того времени.

Во-вторых, в ходе Третьей мировой войны выявилось ее важное свойство – она никем официально не объявляется, но ее окончание, так же как и в обычной горячей войне, завершается победой одной стороны и поражением другой со всеми вытекающими отсюда последствиями. Именно это и произошло в 1991 г., когда Советский Союз в лице своего руководства признал поражение в холодной войне и был подвергнут послевоенным репарациям в новой, модифицированной форме, которые от этого не перестают быть таковыми. На этом аспекте мы более подробно остановимся в следующем разделе.

В-третьих, четыре известные мировые войны образуют два эволюционных этапа мировой истории – горячий и холодный (гибридный). Противоречия мировой капиталистической системы, накопленные к 1914 г., требовали радикального изменения мирового порядка, чего не удалось сделать посредством Первой мировой войны, в связи с чем потребовался ее повтор в 1939 г. В 1945 г. мировой порядок действительно кардинально изменился, возникло два глобальных центра силы – США и СССР, а обретение ими после 1949 г. эффективных ядерных сил массового поражения сделало горячие войны неэффективными и бессмысленными. Однако главный трансформационный результат двух горячих войн был достигнут – «фактор

Характеристики мировых войн

Название	Период	Характер	Разновидность
Первая мировая	1914–1918	Горячий (вооруженный)	Ограниченный
Вторая мировая	1939–1945		Тотальный
Третья мировая	1945–1991	Гибридный (холодный)	Ограниченный
Четвертая мировая	2014 – н/в		Тотальный

Источник: составлено автором.

раздражения» в лице Германии был подавлен, а центр мира сместился из Евразии (Восточного полушария) в Северную Америку (Западное полушарие), что и знаменовало собой качественно новый порядок в МГПП.

В-четвертых, длительность мировых войн возрастает, особенно длительность гибридных войн. Так, Первая мировая война длилась 4 года, Вторая – 6 лет, а Третья – уже 46 лет. Правоммерно предположить, что Четвертая мировая война, длящаяся уже 8 лет, затянется еще лет на 15–20. Такие изменения в длительности войн связаны с несильным и непрямым столкновением государств-конкурентов. «Война умов» и «война за умы», составляющие сущность гибридных войн, ведутся мирными способами в технологическом и информационном пространстве, а локальные горячие конфликты имеют непрямую форму и возникают, как правило, в третьих странах. В этом отношении СВО выступает классическим проявлением *войны чужими руками* – США с 2014 г. готовили Украину к горячей войне с Россией путем разжигания националистических чувств украинского населения и дезинформации мирового сообщества относительно истинных событий в регионе.

В-пятых, победа США в Третьей мировой войне не была окончательной, как и результаты Первой мировой были неудовлетворительными. Если в результате Первой мировой войны Германия проиграла, но осталась в качестве главного политического фактора Евразии, что потребовало ее «добивания» в ходе Второй мировой, то после Третьей мировой войны СССР проиграл, но в лице РФ сохранился в качестве грозной силы МГПП, что, в конечном счете, стало окончательно ясно после 2014 г., когда Россия присоединила к своей территории Крым и продемонстрировала возможность восстановления былого могущества. Это и привело к эскалации военных действий объединенного Запада для окончательной «ликвидации» российского фактора мировой политики, что воплотилось в необъявленной Четвертой мировой войне, начавшейся в форме локальных горячих столкновений на территории Украины в 2014 г. С 2022 г. гибридная война стала тотальной и абсолютно бескомпромиссной. С точки зрения объединенного Запада во главе с США

завершиться эта война может только полным разрушением культурной идентичности России и проживающих на ее территории народов с последующим установлением абсолютной гегемонии западной идеологии.

Последний тезис нуждается в определенном пояснении. Так, согласно Сэмюэлу Хантингтону (Samuel Huntington), после крушения в 1991 г. Советского Союза противостояние глобальных идеологий исчезло, а вместо этого должна прийти война цивилизаций как неких обособленных и непримиримых друг к другу сообществ с разной культурно-религиозной основой (Хантингтон, 2021). Однако сегодня ошибочность этой концепции стала уже совершенно очевидной. Хантингтон рассматривал идеологическую оппозицию Капитализм/Коммунизм, однако сегодня стало ясно, что деление проходит по другой границе – Запад/Не-Запад. Именно поэтому после введения в 2022 г. в отношении России беспрецедентных международных санкций со стороны коллективного Запада образовался Не-Западный альянс исламского Ирана, синского Китая и православной России. Тем самым идеологическое противостояние осталось, но приняло иное измерение, чем после Второй мировой войны. В общественном дискурсе оно иногда фигурирует в самых разнообразных парах оппозиций – Глобалисты/Националисты, Демократы/Силовики, Либералы/Народники и др. Следовательно, Четвертая мировая война должна привести либо к окончательной победе западного мировоззрения во всем мире, что автоматически сделает мир институционально и культурно более гомогенным, чем он когда-либо был раньше, либо к победе идеи национальной идентичности с продолжающимися витками противоречий и локальных войн, но на иной технологической основе. Данная дихотомия имеет геополитическое звучание – дальнейшая эволюция мировой цивилизации будет определяться либо в Новом Свете (в Северной Америке и Западном полушарии), либо снова в Старом (в Евразии и Восточном полушарии). В связи с этим нельзя не упомянуть, что об «унификации мира» в процессе социальной эволюции писал Арнольд Тойнби (Arnold Toynbee) еще в конце 1940-х годов (Тойнби, 2011, с. 66).

Тотальный характер нынешней Четвертой мировой войны проявляется в доминировании Запада в информационной сфере и использовании этого преимущества против России без всяких ограничений. Фактически все информационные каналы, контролируемые Западом, перешли на откровенную фальсификацию фактов, что, тем не менее, не снижает силы и ответственности этого оружия массового поражения сознания масс. Интрига глобального столкновения состоит в том, насколько быстро и эффективно смогут страны Не-Западного блока организовать сопротивление на информационном фронте. Напомним в этой связи два важных факта: Советский Союз, уступая Германии в военных технологиях в начале Второй мировой войны, в конце войны ее превзошел; Китай уже сегодня взял под контроль информационное пространство, купировав нежелательные сигналы Запада и сохраняя за счет этого свою идеологическую целостность и культурную идентичность. Сказанное недвусмысленно свидетельствует, что дальнейшие события непредсказуемы, что и создает интригу современного исторического момента.

Мировые войны, ошибка Траута и феномен неокOLONIALИЗМА

После завершения в 1945 г. Второй мировой войны в мире сложился негласный консенсус относительно наказания потерпевших поражение стран. Уже к середине XX века в МГПП начал проявлять себя феномен, получивший название *ошибки Траута*: в условиях глобальной конкуренции любая серьезная ошибка субъекта становится фатальной (Балацкий, 2011). Напомним, что, согласно Джеку Трауту (Jack Trout), компании, добившиеся успеха в середине XX века, действовали буквально в тепличных условиях, делая множество ошибок и быстро их исправляя; в XXI веке любая деловая оплошность становится фатальной — рынок карает за нее жесточайшим образом, ведя к разорению и закрытию фирмы (Траут, 2009, с. 12–13).

Как оказалось, в масштабах государства ошибка Траута в полной мере проявила себя уже к середине XX века. На уровне государств эффект Траута можно сформулировать следующим образом: *для страны, потерпевшей поражение в мировой войне, данное событие становится фатальным, ибо она навсегда лишается права*

на политический суверенитет. Данное положение истинно, прежде всего, в отношении стран, проигравших Вторую мировую войну. Напомним судьбу Германии после 1945 г.: она была разделена на две части, одна из которых попала под патронаж США, а другая — СССР. С этого момента политический суверенитет Германии был потерян фактически навсегда — вплоть до настоящего времени. Более того, идентичность немцев если и не была полностью подавлена, то сильно нивелирована посредством воспитания у молодежи чувства вины за содеянные их предками злодеяния. И даже восстановление единства Германии, состоявшееся в 1990 г., и крах в 1991 г. СССР не вернули ей политический суверенитет: сегодня ее территория покрыта сетью военных баз США, а экономика не имеет стратегически важных отраслей: ракетостроения, гражданского самолетостроения, судостроения, электронной промышленности в части производства электронных плат. Тем самым на примере Германии видно, что побежденная страна берется полностью под контроль страной-победителем, проводящей *политику селективного запрета*, суть которой состоит в наложении негласного вето на стратегически значимые производства и виды деятельности. Аналогичная политика проводилась в отношении Японии — на нее были сброшены две атомные бомбы, сама страна отошла под патронаж США, а ее экономика также ограничена в стратегической функциональности; воспитательная политика молодежи привела к тому, что сегодня значительная часть японского населения считает, что атомные бомбы на их страну сбросил Советский Союз. Похожая судьба постигла Корею, которая была разделена на коммунистическую Северную Корею и капиталистическую Южную Корею; аналогичный сценарий США пытались реализовать во Вьетнаме. В послевоенном Китае в результате гражданской войны 1945–1950 гг. и победы Коммунистической партии произошла автономизация Тайваня с его попаданием под патронаж США.

На политике дробления побежденных стран, берущей начало в древнеримском принципе «Разделяй и властвуй», следует остановиться особо. Эффективность данного подхода для страны-победителя уже получила как теоретическое, так и эмпирическое подтверждение. Так, теоретически ослабление побеж-

денной страны путем дробления ее территории означает разрушение *синергетического эффекта* за счет разрыва связей между ее отдельными фрагментами (частями); математически это иллюстрируется исчезновением системного эффекта в балансовом соотношении потенциала страны. Эмпирически это доказано для бывших республик СССР, где после 1991 г. за 31 год не было ни одного примера значительных экономических достижений: в странах-осколках развивалась депопуляция, росла внешнедолговая зависимость, происходили военные конфликты и т. п. (Гусев и др., 2022).

Сказанное выше свидетельствует, что после Второй мировой войны возродился феномен колониализма в модифицированной форме — побежденные страны дробились на части, которые лишались политического суверенитета и де-факто попадали под *внешнее управление* страны-победителя без срока давности — можно сказать, навсегда. Это и есть система послевоенного *неоколониализма*, когда побежденное в войне государство лишалось шансов на дальнейшее полноценное развитие.

В контексте сказанного уместно напомнить, что практика запрета на развитие государства-конкурента всегда была одним из главных способов геополитического противоборства и поддержания порядка, выгодного стране-гегемону. Так, согласно Даниэлю Арно (Daniel Arnaud), уже в I тысячелетии до н. э. ассирийцы сочли неприемлемым, чтобы на территории враждебных племен образовывались государства: если разведка доносила им о подобной угрозе, то на соседнюю территорию снаряжалась военная экспедиция, которая ее настолько разоряла, что какая-либо государственная организация там становилась невозможной иногда на целые столетия (Арно, 2009, с. 29). В XX веке принципиально ничего не изменилось — методы поддержания геополитической монополии лишь слегка модифицировались.

Из сказанного становятся понятными метаморфозы СССР после 1991 г. Советский Союз проиграл Третью мировую войну, признал свое поражение и подписал в 1991 г. акт капитуляции в форме Беловежского соглашения, согласно которому Россия, Белоруссия и Украина признали факт прекращения существования СССР как субъекта международного права и геополитической реальности. После этого стра-

на была расчленена на 15 «самостоятельных» стран-осколков, каждая из которых, за исключением Белоруссии, попала под прямое внешнее управление (Волконский, 2021). Последнее было организовано посредством созданных в странах-осколках *сетей эмиссаров Запада*, которые накрыли национальные правительства. Эмиссары, как это делалось во все времена в компрадорских властных элитах, рекрутировались из граждан стран-осколков, которые, как правило, обучались и стажировались на Западе и позже ставились на ключевые правительственные посты. Впоследствии эмиссары Запада принимали государственные решения на основе политики селективного запрета по согласованию с центром в лице уполномоченных лиц со стороны США. Тем самым все страны-осколки были успешно вовлечены в орбиту политических интересов США.

Постсоветское пространство было реорганизовано таким образом, что все ядерные силы СССР локализовались в России. Тем самым остальные страны оказались де-факто беззащитными и неспособными отстоять свой политический суверенитет. Исключение составляла только РФ, которая после распада Союза осталась единственным фактором риска в регионе, в связи с чем и продолжала оставаться в зоне пристального внимания Запада, цель которого состояла в дальнейшем разделении страны на несколько (или множество) малых государств с их окончательной демилитаризацией. Этот мотив — окончательное уничтожение потенциального конкурента — и стал главенствующим для администрации США на все последующие 32 года. Больших успехов на этом пути Запад достиг во время правления Б.Н. Ельцина, когда страна была лишена наукоемких производств, а затем передовой науки и образования, после чего оказалась на грани дальнейшего дробления. Однако *логика самоорганизации* крупной нации затормозила этот процесс. Если его расшифровать в самых общих чертах, то дальнейшие события выглядят следующим образом. Представители силовых служб России, предвидя свою собственную ликвидацию как класса при сохранении курса Б.Н. Ельцина, организовали оппозицию эмиссарам Запада, в результате чего уже в 2000 году на пост президента страны была инкорпорирована консенсусная фигура В.В. Путина, которая до конца не устраивала ни

силовики, ни глобалистов, но и не вызывала у них полного отторжения. С этого момента начинается длительный период балансирования интересов двух центров сил, которые получили разные наименования – Силовики/Либералы, Националисты/Глобалисты и т. п.; частично нарушилось политическое равновесие в 2014 г., когда возникший конфликт в сфере военной безопасности был решен путем присоединения Крыма к России.

До указанного периода неокOLONиальная политика селективного запрета демонстрировала очень высокую эффективность. Доказательством тому служат многие факты, противоречащие экономической логике: неспособность страны, имевшей 10–15 лет назад в своем арсенале самое передовое гражданское самолетостроение, восстановить это производство до разумного уровня; хронические неудачи в налаживании производства электронных микросхем, что практически в это же самое время с нуля сделали Тайвань, Южная Корея и Китай, и т. д. Это связано с тем, что политика селективного запрета, проводимая в отношении России эмиссарами Запада, изначально базируется на принципе разрушения, а не созидания, что до предела упрощает государственное управление: нужно не *заставлять* людей делать нечто экстраординарное (что очень сложно (!)), а *запрещать* им делать это (что очень просто (!)). Иными словами, вся российская система государственного управления на протяжении 23 лет поощряла не подъем отечественной экономики, а ее деградацию. Неудивительно, что такое положение дел вело к колоссальному нарастанию социального недовольства и напряжения практически во всех слоях населения России, что рано или поздно должно было найти выход в открытой форме. Этот протест в 2014 г. принял форму мирной интеграции Крыма в свое государство, что спровоцировало Четвертую мировую войну в форме еще более активных действий Запада по обеспечению распада РФ; в 2022 г. этот конфликт перешел в горячую форму на территории Украины.

Классической иллюстрацией механизма неокOLONиализма служит описание Леонидом Шебаршиным, бывшим главой Первого главного управления КГБ СССР, разговора с министром природных ресурсов Пакистана, а позже

министром иностранных дел, Зульфикаром Али в 1961 г.: «Америка, держащая Пакистан мертвой хваткой военной и продовольственной помощи..., создавшая здесь свои, нацеленные на Советский Союз, базы, Америка, подкупающая пакистанскую бюрократию и военных...» «Именно из Пакистана, с американской базы Бадабера, совсем недавно вылетел печально знаменитый шпионский самолет У-2, пилотируемый Пауэрсом. Самолет был сбит над Советским Союзом, разразился невиданный международный скандал...» (Шебаршин, 2017, с. 40). «На многих высоких постах в Пакистане сидят американские платные агенты, шпионящие за каждым шагом [фельдмаршала] Айюб-хана, контролирующие все действия правительства», мешающие «наладить добрососедские отношения с Индией» (Шебаршин, 2017, с. 41). Эта калька неокOLONиализма была без каких-либо изменений перенесена на Россию после 1991 года.

Сказанное подводит к выводу, что история суверенной России, строго говоря, начинается с 24.02.2022 – с момента введения СВО; только в этот момент верховная власть страны в своих принципиальных решениях смогла окончательно освободиться от влияния Запада. До этой даты РФ представляла собой новую колонию Запада по поставке природных ресурсов. Трагедия неокOLONиализма для России состоит в том, что эта участь постигла ее тогда, когда большинство бывших колоний уже не только отвоевали свой суверенитет, но и начали претендовать на роль лидеров. Например, А. Тойнби еще в 1947 г. в поисках «третьей великой державы», способной сбалансировать ситуацию противостояния США и СССР, говорил, что это «уж никак не в Китае или в Индии, ибо, несмотря на их древние цивилизации и огромное население, обширные территории и ресурсы, эти мастодонты наверняка не смогут напрячь свои латентные силы в течение того критического периода истории, который, как представляется, предстоит нам пройти» (Тойнби, 2011, с. 136). Критический период истории, исчисляемый 75 годами, миновал, и Индия, Китай, Иран и Пакистан преодолели бремя неокOLONиализма и обрели долгожданный суверенитет, а с ним и необходимую военную и экономическую мощь. Именно поэтому названные четыре страны

игнорируют призывы США к введению санкций против России и продолжают сотрудничать с ней, настойчиво преследуя свои собственные интересы.

Надо отметить, указанные страны долго и тяжело шли к своей независимости. Для того чтобы понять их усилия, обратимся снова к свидетельству Л. Шебаршина: «Трезвый расчет, прагматизм с изрядной долей цинизма, строгий учет государственных интересов — таков стальной стержень индийской политики, замаскированный гирляндами цветов, ворохами философских трактатов, фонтанами высокопарной риторики. Умение индийцев добиваться своих целей не может не вызывать уважения и даже зависти. За их плечами цивилизация, насчитывающая пять тысяч лет» (Шебаршин, 2017, с. 80).

Подведем предварительный итог. Вторая мировая война закончилась самоуничтожением Европы: Германия перестала быть «фактором раздражения», а остальные европейские страны не обладали критической мощью, чтобы претендовать на веское слово в мировой политике. Центр силы сместился в Западное полушарие, в Новый Свет, в Северную Америку. Альтернативный центр силы в лице СССР носил черты евразийской цивилизации, а само противостояние двух центров приняло форму военно-технического и идеологического противостояния стран-гигантов. Итогом этого антагонизма и Третьей (холодной) мировой войны стало поражение СССР и его радикальное ослабление в форме его главного осколка — РФ. Безобидность России после 1991 г. во многом поддерживалась посредством системы неокOLONIALИЗМА, когда при формальной независимости страна находилась под внешним управлением и двигалась в орбите интересов страны-метрополии, в качестве которой выступали США. Однако внутренние процессы в России по обретению суверенитета привели к «политическому демаршу» в 2014 г. путем реинтеграции Крыма, что спровоцировало Четвертую (гибридную) мировую войну. СВО 2022 г. окончательно сделала Россию «неуправляемой» для Запада, в связи с чем против нее были развернуты беспрецедентные международные санкции, которые оказались возможны благодаря полной «покорности» стран Европы (плюс Япония) диктату США. Наибольшую лояль-

ность Соединенным Штатам продемонстрировала Германия, которая проводит решения, полезные стране-метрополии, но вредные, если не сказать убийственные (!), для ее собственной экономики, что лишний раз доказывает факт отсутствия у нее политического суверенитета спустя почти 80 лет с момента ее поражения в мировой войне прошлого века. Ошибка Траута, приводящая корпорации к экономической смерти, аналогичным образом привела целые страны: Германию, Японию, Украину и др. — к политической смерти; теперь это лишь карты для розыгрыша мировой политики.

В противовес политике экономического остракизма России в мире развернулось мощное «движение неприсоединения» к санкциям со стороны Ирана и Китая, которые и образовали триумвират союзников Китай — Россия — Иран, усиленный Индией, Турцией и Саудовской Аравией. Страны первой группы являются ближайшими претендентами на геополитическую зачистку Соединенными Штатами, что и обуславливает их позицию; страны второй группы пользуются сложившейся уникальной ситуацией для радикального усиления своих международных позиций. Возникшая конфигурация геополитических игроков создает неустойчивое равновесие, которое само себе свидетельствует о конце эры гегемонии США. Тем не менее последние проявляют поразительную настойчивость в отношении ликвидации России с политической арены, что нуждается в системном объяснении и станет предметом рассмотрения в следующем разделе.

Циклы накопления капитала, их значение и механизм

Логику геополитического противостояния современности нельзя понять без концепции циклов накопления Джованни Арриги (Giovanni Arrighi). Согласно этой концепции, вопреки расхожим представлениям о многополярном мире мировая капиталистическая система существует в рамках моноцентрической модели, когда на планете существует некий мировой центр капитала (МЦК), где формируются правила международных отношений и откуда ведется управление мировой системой. На протяжении наблюдаемой истории капитализма в качестве МЦК последовательно выступали Генуя, Венеция, Нидерланды, Великобритания и США (Арриги, 2006). Повторим: страна, получившая

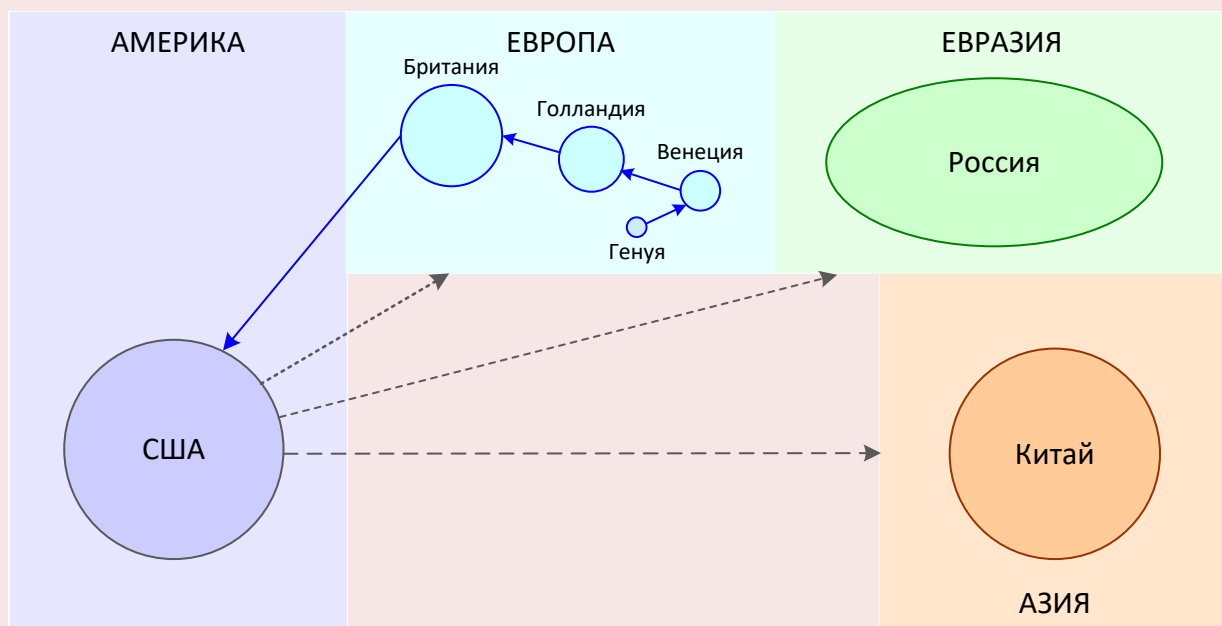
статус МЦК, выступает в качестве подсистемы управления всей мирохозяйственной системы, тогда как последняя выступает в качестве управляемой подсистемы. В МЦК формируются инструменты, правила и нормы отношений между экономическими агентами, государствами и обычными людьми. В отсутствие МЦК или при наличии множества конкурирующих центров порядок в мировой системе уменьшается и нарастают проявления хаоса и дезорганизации. Схематично процесс перемещения МЦК во времени и пространстве показан на *рис. 1*.

В последние 3–4 десятилетия США выступали в качестве всемирного «законодателя» экономических отношений, служили центром притяжения капитала, квалифицированных кадров и культурных достижений. При этом власть США проявлялась в том, что практически любая спорная ситуация в любой точке мира решалась политическим руководством страны в пользу ее национальных интересов. Как справедливо подчеркивал Дж. Арриги, США «интернализировали», т. е. взяли под свое управление, не только оборонную и производственную функции государства, но и функцию по управлению внешними рынками (Арриги,

2009а, с. 40). Иными словами, последние 30–35 лет США пользовались мировой политической и экономической монополией.

Однако со временем очередной цикл накопления капитала приходит к своему естественному завершению и передаче политической гегемонии от старого МЦК новому, который и «запускает» новый цикл накопления. Период, когда старый МЦК уже не справляется со своими «обязанностями» по управлению мировой системой, а новый центр еще не до конца оформился и пока не может взять на себя управление миром, называют режимом геополитической инверсии или режимом *глобальной турбулентности*. Для него характерна неустойчивость многих процессов и недостроенность всех социальных механизмов взаимодействия политических игроков глобального рынка, обострение конкуренции между государствами, возникновение многочисленных локальных военных конфликтов в горячей форме. В настоящее время мир переживает этот крайне неприятный этап, когда гегемония США уходит, а их место пока никто не может занять. Именно в этой точке возникает ключевая интрига мировой политики.

Рис. 1. Стилизованная схема истории движения мировых центров капитала

Источник: составлено автором.

Сам Дж. Арриги указывал на смещение МЦК из США в Азию и преимущественно в Китай (Арриги, 2009b, с. 40). Однако позже был рассмотрен альтернативный МЦК в лице России, хотя и высказано сомнение в реализации его потенциалов (Balatsky, 2014). В настоящее время ситуация начинает кардинально меняться и требует более пристального рассмотрения всех возможных сценариев развития мировой экономической системы; данная неопределенность в формировании нового МЦК в схематичной форме показана на рис. 1. Все нынешние действия США подтверждают, что их задача состоит в предотвращении полноценного развития трех потенциальных МЦК в лице объединенной Европы, России и Китая.

Хотя общая диспозиция на мировой политической арене понятна, ее детали нуждаются в прояснении. Для этого концепция Арриги должна быть дополнена несколькими важными положениями, на которых мы и остановимся ниже.

Во-первых, главным драйвером экономического роста и социальной эволюции в капиталистическом обществе выступает не просто прибыль, а явление сверхприбыли. Данное положение доказано как теоретически, так и эмпирически. Например, из основного уравнения экономического роста вытекает, что его поддержание требует наличия «особого» сектора экономики, годовая рентабельность капитала в котором исчисляется трех- и четырехзначными цифрами (в процентах) (Balatsky, 2021). Оценка нормы прибыли разных видов бизнеса в различные исторические периоды времени подтверждает этот вывод (Балацкий, Екимова, 2020). Главное же состоит в том, что основным реципиентом феномена сверхприбыли всегда выступал МЦК: астрономическая рентабельность была характерна для экономики Нидерландов и Великобритании периода их гегемонии, а сегодня она является нормой для бизнеса США. При этом явление сверхприбыли и МЦК идут рука об руку: МЦК посредством мировой монополии на самые привлекательные сферы деятельности обеспечивает себе сверхприбыль, а последняя в свою очередь позволяет стране удерживать за собой статус мирового лидера. Нарушение этого механизма порождает глобальные сбои в жизни МГПП.

Сегодня привилегированное положение США поддерживается множеством «неестественных» фактов: правом эмиссии доллара в качестве мировой валюты без адекватного товарного покрытия, контролем мирового трафика наркоторговли спецслужбами США¹, монополией на высокие технологии и т. п. Только этими обстоятельствами можно объяснить известный лозунг Штатов о том, что жизнь американца священна — при возникновении угрозы жизни даже одному рядовому гражданину Америки даже за пределами страны правительство посылает туда авианосец. Хотя этот лозунг является во многом патриотическим клише, однако в нем всегда имелось достаточно правды, чтобы задуматься о том, какие же должны быть у государства доходы, чтобы оно было способно идти на такие финансовые жертвы. Отсюда недвусмысленно вытекает, что при угрозе разрушения сложившегося механизма глобальной монополии США они не ни перед чем не остановятся, чтобы не допустить этого. Однако именно такая угроза сегодня нависла над США. Этим фактом объясняется та непримиримость, с которой американский истеблишмент добивается гибели всех своих конкурентов.

Во-вторых, многие данные говорят в пользу появления нового МЦК на территории России. Российская Федерация имеет площадь территории в 1,8 раза больше, чем США. Если же допустить даже неформальную реинтеграцию России, Белоруссии, Украины и Казахстана, то индекс территориального превосходства объединения составит уже 2,2 раза по сравнению с США (Balatsky, 2014). В условиях глобализации МГПП такое преимущество следует признать уникальным козырем России, какого даже близко нет ни у какой другой страны. Если к сказанному добавить абсолютно беспрецедентную наделенность РФ ценными природными ресурсами и ее положение между двумя ключевыми регионами мировой торговли — Европы и Азии, то правомерно предположить, что именно на ее территории может возникнуть

¹ По этому поводу имеется много работ. Для поверхностного ознакомления с вопросом можно воспользоваться коротким репортажем Лайлы Тахельдин (Laila Tajeldine). URL: <https://inosmi.ru/20151218/234850836.html>

новый центр мировой экономической активности – МЦК. С учетом военной мощи и способности принять к себе гигантские массы капитала и трудовых ресурсов с историческим опытом их «переплавки» в Русский Мир Россия становится самым опасным противником США, что и объясняет абсолютную непримиримость последней к СВО; даже Китай не обладает такими привлекательными параметрами для превращения в МЦК. Для США на кону стоит сверхприбыль и мировая гегемония, а Россия выступает в качестве главного претендента на эти цивилизационные блага. При этом данная ситуация не зависит ни от России, ни от США, это своего рода каприз Природы и Провидения, а потому ни та, ни другая страна не могут уклониться от столкновения, чем, в конечном счете, и обусловлено их бескомпромиссное противостояние.

В-третьих, новый МЦК должен реализовать новую управленческую функцию, что, судя по всему, США сделать уже не могут. Например, Арриги считал, что этим новым свойством должна стать способность МЦК к воспроизводству (Арриги, 2009а, с. 39). Приход президента Д. Трампа фактически означал попытку «перезапустить» цикл накопления капитала в рамках юрисдикции старого МЦК и тем самым сохранить его гегемонию. Однако этот сценарий не прошел, следовательно, центр будет продолжать смещаться в другой регион. Можно сказать, что управлять миром по-старому США уже не могут, а по-новому не хотят.

В этом пункте нужно сделать важные пояснения. Дело в том, что *цикл накопления капитала* следует трактовать и как *управленческий цикл*. В момент старта нового МЦК он осуществляет адекватное управление глобальными процессами, однако с течением времени мирохозяйственная система усложняется – растет число ее элементов (населения, компаний, технологий и т. п.) и связей. В соответствии с законом У.Р. Эшби, который иногда называют законом необходимого разнообразия, управляющая подсистема (МЦК) должна быть не менее сложной, чем управляемая подсистема (мирохозяйственная система) (Эшби, 2021); в противном случае система разрушается. На первом этапе цикла накопления МЦК достаточно прогрессивен и способен эффективно противостоять растущей сложности, однако рано или поздно сложность

МГПП становится чрезмерной и центр уже не успевает перестраиваться адекватным образом. Именно на втором этапе цикла накопления начинают развиваться проблемы управления мирохозяйственной системой. Если МЦК не поспевает за изменениями мира, следовательно, закон Эшби нарушается, то «включается» закон Е.А. Седова, который еще называют законом иерархических компенсаций: растущая сложность управляемой подсистемы компенсируется управляющей подсистемой путем накладки на нее ограничений (Балацкий, 2013). Данное утверждение соответствует концепции сложности Данило Дзоло (Дзоло, 2010), согласно которой политика есть поиск равновесия между *безопасностью* системы и *свободой* ее участников; перманентные мировые шоки сложности (демографический прессинг, рост неравенства между странами, массовая миграция, широкое распространение всех видов оружия, терроризм, экологические катастрофы и т. п.) ведут к доминированию репрессивных (ограничивающих), но вполне эффективных (!) политических режимов (Дзоло, 2010). Наблюдения за миром в период глобальной турбулентности подтверждают это положение.

Безграничным источником роста социальной сложности служит фундаментальная планетарная закономерность, подмеченная Дугласом Норттом (Douglass North): мир развивается путем перекалывания рисков из физического мира в мир социальный. Тем самым знания и новые технологии ведут к снижению неопределенности окружающей физической среды, но одновременно становятся источником социальной неопределенности (Норт, 2010, с. 38). Перманентное усложнение общества ведет к желанию властей упростить его, что и оправдывает становление политических режимов авторитарного типа.

Сказанное позволяет понять, как образуется дефицит управления в мирохозяйственной системе на второй половине цикла накопления капитала. Именно в этой фазе МЦК переходит от конструктивной политики управления миром к деструктивной – ограничению развития всех своих конкурентов для сохранения своего привилегированного положения в МГПП. Инструментом такой политики становится механизм поддержания неокOLONIALИЗМА. На этом этапе начинает расти протест сдерживаемых

стран относительно сложившегося мирового порядка. Именно этот протест толкнул Россию на СВО, а Иран и Китай — на союз с ней. И именно этот протест приводит к деглобализации мировой системы и стагнации гегемонии США.

В этом пункте анализа правомерно задаться вопросом: а что мешает, например, властям США перестроить свою систему управления миром? Почему бы им не перейти к более прогрессивным политическим решениям?

Исчерпывающие ответы на указанные вопросы дал Стивен Льюкс (Steven Lukes) в своей концепции неделимости власти (Льюкс, 2010). Так как власть поддерживается соответствующей структурой власти, то ее нельзя перераспределить, ее можно только разрушить и построить заново (Льюкс, 2010, с. 105). Власть — это не большой пирог, от которого можно отрезать кусок нужной величины и поделиться им с конкурентом. Либо все, либо ничего. Именно поэтому мировую власть США, поддерживаемую соответствующей структурой власти, нельзя слегка подкорректировать, чтобы снять глобальные конфликты с такими конкурентами, как Китай и Россия. Любая уступка власти со стороны Соединенных Штатов потребует полного демонтажа имеющейся архитектуры глобальных властных сетей, что чревато полной потерей позиций страны (Балацкий, 2019). Таким образом, требование сохранения власти и феномен неделимости власти автоматически порождают потерю ее эффективности и перемещение центра капитала в иную географическую нишу. Именно этот процесс и приводит к противостоянию различных центров силы с присутствующими ему мировыми войнами разного типа.

Краткий итог изложенного: объективность цикла накопления капитала и смены МЦК на фоне крайне высоких ставок в игре — мировая власть и сверхприбыль — делают борьбу государств-конкурентов абсолютно бескомпромиссной, чем и обусловлена «мертвая хватка» США в отношении России, которая имеет все возможности стать новым лидером. Иными словами, США не могут не воевать с Россией, равно как и Россия не может не воевать с США. С учетом прочих обстоятельств эта война перерастает в цивилизационное противостояние Запад/Не-Запад.

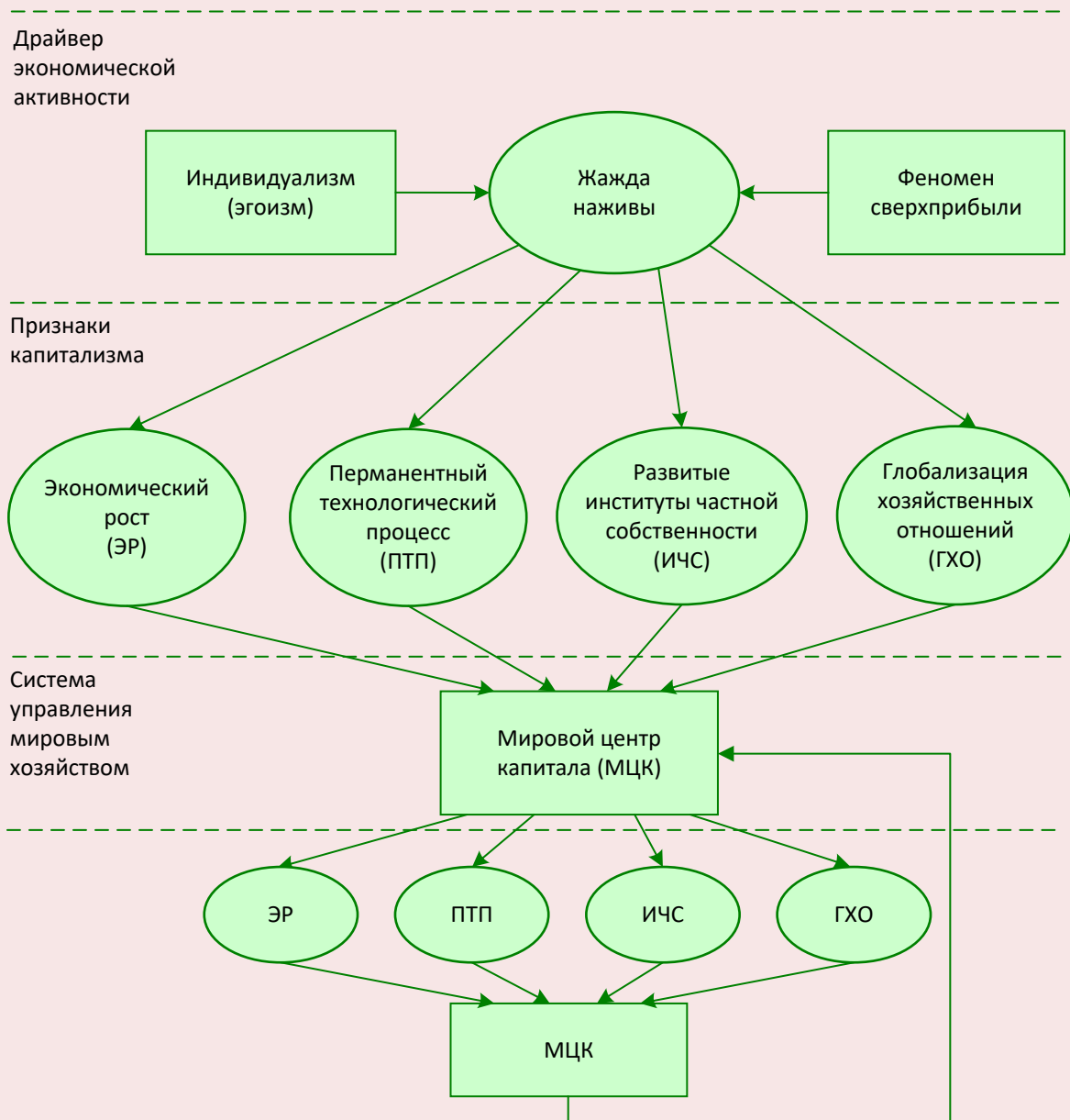
Специфика нынешнего периода глобальной геополитической турбулентности

Описанная логика смены циклов накопления имеет общий характер, однако в настоящее время требует серьезных уточнений из-за масштабности происходящих геополитических сдвигов. Рассмотрим эти аспекты подробнее.

Для начала напомним историческую хронологию циклов накопления по Арриги: 1560–1740 гг. — Первый, венециано-генуэзский (продолжительность 180 лет); 1740–1870 — Второй, голландский (130 лет); 1870–1970 — Третий, британский (100 лет); 1970 — н/в — Четвертый, американский (≈80–85 лет) (Арриги, 2006, с. 42–49). Такая закономерность позволила Арриги утверждать, что длительность цикла накопления со временем сокращается, а эпоха заката могущества США уже началась и сейчас страна находится в стадии терминального кризиса. Согласно хронологии Арриги Четвертый цикл накопления должен закончиться примерно в 2055 г., до которого осталось чуть больше 20 лет, в течение которых и должен оформиться новый МЦК. Однако пока этот центр так и не определен, в связи с чем возможно нарушение установившегося ритма смены циклов. Это связано со следующими особенностями нынешней глобальной геополитической турбулентности.

Первая особенность Пятого цикла накопления состоит в его формировании в фазе угасания капиталистических эффектов, в том числе угасания экономического роста. Для лучшего понимания этого ограничения можно обратиться к рис. 2, где показаны истоки возникновения мирового капитализма и его фундаментальные признаки, без которых трудно представить его дальнейшее существование. Одним из этих признаков выступает феномен экономического роста, однако уже более десятилетия идут дискуссии о его завершении в силу достижения своего физического предела. Так, Ричард Хейнберг (Richard Heinberg) доказывает, что на пути дальнейшего экономического роста стоит три непреодолимых препятствия: истощение ключевых природных ресурсов (нефть, металлы, вода, тяжелые элементы и пр.); ухудшение экологической обстановки (загрязнение мирового океана, ухудшение воздуха в городах, изменение климата и т. п.); перенакопление государственной и негосударственной

Рис. 2. Признаки капитализма и циклы накопления капитала

Источник: составлено автором.

задолженности (невозможность возврата накопленных долгов без экономической катастрофы для всего мира) (Heinberg, 2011). Мировая статистика говорит если не о полной остановке роста, то о замедлении его темпов практически во всех странах мира. Это означает, что будущий Пятый МЦК не сможет «влететь» в МГПП на волне всеобщего роста, что неиз-

бежно влечет замедление этапа его кристаллизации. Скорее всего, нарушение глобального режима роста «растянет» Четвертый цикл накопления и отодвинет приход нового государства-лидера. Свидетельством этому служит «топтание на месте» претендентов на новый МЦК – США, Китая, России и, может быть, Ирана.

Вторая особенность тесно связана с первой и состоит в замедлении технологического прогресса. Темпы роста производительности труда, равно как и темпы экономического роста, во всех странах в последние десятилетия снижаются, и нет никаких гарантий, что эта тенденция сменится новым технологическим взрывом. Как утверждает Клаус Шваб (Klaus Schwab), в США за последние 70 лет темпы роста производительности труда сократились более чем в два раза (Шваб, 2018, с. 46). При этом лишь 0,5% трудовых ресурсов США заняты в отраслях, не существовавших в начале XX века; менее 8% новых рабочих мест было создано в 80-х годах прошлого века и лишь 4,5% новых рабочих мест — в 90-е годы (Шваб, 2018, с. 51). Таким образом, нынешний технологический прогресс ведет к медленному росту производительности труда и почти не стимулирует создания нового предложения на труд. Это тормозит эффект производственной экспансии, на который должен опираться новый МЦК.

Третья особенность состоит в окончательном разрушении в 2022 г. «священного» права собственности, на котором базировался капиталистический строй. Арест Западом золотовалютных резервов суверенного государства — России, арест зарубежных счетов и объектов недвижимости многих граждан и компаний России и Белоруссии (олигархов, чиновников и пр.), правовая защита лиц, незаконно занимающих частное жилье в отсутствие их хозяев, принудительный вывод бизнеса своих граждан из России, невмешательство полиции в бесчинства мародеров в США предвыборного периода президентской гонки 2020 г. и т. д. — все это говорит о крахе института частной собственности. В таких условиях запуск Пятого цикла накопления капитала может потребовать принципиальной перестройки мировой капиталистической системы даже при ее сохранении. Эта особенность накладывает пока не вполне понятные институциональные ограничения на Пятый МЦК.

Четвертая особенность Пятого цикла накопления сопряжена с эффектом глобализации. С одной стороны, завершенность этого процесса предопределила гигантский масштаб всех геополитических рокировок, с другой — СВО на Украине окончательно закрепила тренд на

деглобализацию. Это опять-таки будет сильно мешать новому МЦК распространять свое экономическое влияние и увеличивать свою относительную мощь.

Все перечисленные особенности не просто создают помехи нормальной смене МЦК, но и ставят вопрос о том, при каком строе произойдет эта смена. Учитывая, что наиболее реальный претендент на Пятый МЦК — Китай — в настоящий момент является государством с коммунистической партией во главе, а другой потенциальный претендент — Россия — имеет опыт (хотя и негативный) построения коммунистического режима, можно говорить об открытости вопроса о замене традиционного капиталистического строя в ходе геополитической инверсии.

Сюда же примыкает и другой вопрос — о новой модели управления миром. Говоря об этом еще в 1947 г., А. Тойнби проницательно заметил: «Спасение, вероятно, лежит — как это чаще всего и бывает — в поисках среднего пути. В политике эта золотая середина не будет означать ни неограниченного суверенитета отдельных государств, ни полнейшего деспотизма центрального мирового правительства; в экономике это также будет нечто, отличное от неконтролируемой частной инициативы или, напротив, явного социализма» (Тойнби, 2011, с. 35). Но если деспотия правления миром со стороны США предыдущих 30 лет будет ослаблена новым МЦК, то можно ли говорить о сохранении концентрической модели накопления капитала? Или в том или ином виде возобладает пресловутая многополярность?

Эти вопросы пока остаются открытыми.

Нельзя не подчеркнуть и тот факт, что намечавшееся перемещение нынешнего МЦК заведомо предполагает торможение формирования нового цикла накопления. Так, если раньше все рокировки МЦК происходили внутри Запада и Западной цивилизации, то новый центр уже совершенно точно будет вне Запада — Россия или Китай, неважно. Это усложняет и удлиняет период геополитической турбулентности. Усугубляет положение дел и происходящая рокировка стран Центра и Периферии. Так, страны Европы, традиционно составлявшие ядро мировой экономики и центр нашей Цивилизации, медленно, но верно превраща-

ются в ее периферию, тогда как страны Азии осуществляют прямо противоположный дрейф (Волконский, 2021).

Все сказанное вносит значительный элемент неопределенности в процесс происходящей геополитической инверсии.

Россия как центр сборки новой системы мирового порядка

К 2022 г. Россия невольно оказалась в эпицентре начавшихся геополитических сдвигов. Она имеет такие экономические и геополитические параметры, которые делают ее потенциальным новым МЦК. Ее возможности освоения собственной территории почти безграничны, что позволяет «запустить» эффект масштаба и за счет этого добиться высокой эффективности любых мегапроектов. Не менее солидным потенциалом она обладает и в отношении принятия иммигрантов, что было всегда для нее характерно.

Назревающий ресурсный мировой кризис привел к перестановке базовых экономических ценностей: стала очевидна первичность природных ресурсов и вторичность — технологий. А именно природными ресурсами Россия богата как никакая другая страна. Еще Арриги подметил чередование экстенсивного и интенсивного типов развития мировой системы при формировании циклов накопления капитала. Так, при генуэзском и британском режимах накопления капитала осуществлялась экспансия мировой экономики, а при голландском и американском — ее географическая консолидация (Арриги, 2006, с. 41). Следовательно, следующий цикл должен снова стать экстенсивным, а это способна осуществить сегодня только Россия — ни Китай, ни США, ни Бразилия не обладают таким потенциалом.

Более того, в свое время Джаред Даймонд (Jared Diamond) обосновал приоритет Евразии в рождении современной человеческой цивилизации ее удачной геометрической формой по сравнению с остальными континентами: она вытянута с востока на запад, а не с юга на север, как Америка и Африка (Даймонд, 2010). По его мнению, это стало причиной распространения всех ее продуктивных инноваций по горизонтали, то есть гораздо быстрее и легче, чем по вертикали в других регионах, где приходилось преодолевать естественные перепа-

ды в климате. Как ни парадоксально, сегодня Россия по-прежнему обладает этим преимуществом по сравнению с Америкой и даже с Китаем, только в ее пользу теперь работает потепление климата, наличие современных технологий и прочие факторы.

Неоходимо сказать, что даже для распространения технологических инноваций отмеченный «горизонтальный эффект» для России предоставляет огромные возможности в условиях перенакопления мирового капитала и его готовности ринуться в освоение выгодных сфер экономики (на рис. 1 данное преимущество России подчеркивается ее эллиптической формой в отличие от окружностей других стран). Все это дает России колоссальные объективные козыри для розыгрыша своей геополитической партии. Однако субъективные обстоятельства на протяжении 31 года были категорически против нее: отсутствие политического суверенитета и дееспособной властной элиты, постепенное угасание трудовой и творческой активности масс, утечка мозгов и т. п. Однако возвышение России будет означать автоматический упадок США, что американский истеблишмент не может допустить. Именно поэтому Соединенные Штаты разыгрывают свою геополитическую партию путем ведения против России Четвертой (гибридной) мировой войны.

Еще раз вернемся к вопросу о том, что в России к 2022 г. окончательно назрело главное противоречие развития страны предыдущего периода, которое накапливалось во время правления Б.Н. Ельцина, Д.А. Медведева и В.В. Путина: граждане России постепенно жили все лучше и лучше, а страна катилась в пропасть. Иными словами, односторонность развития за счет ресурсного сектора экономики, позволяющая «размазать» доходы от природной ренты по населению, стала очевидна и нестерпима. Это противоречие сыграло свою роль в расколе общества на момент начала СВО: значительная часть россиян желала продолжить прежнюю жизнь, другая — не желала. Сама же СВО на Украине, не только обнажившая экономические проблемы России, но и консолидировавшая другие страны в гибридной войне против США, стала *ключевым событием истории* и с него начинается старт глобального геополитического противостояния Запад/Не-Запад.

Заключение

Выше была дана элементарная реконструкция послевоенных событий, которые раскрывают логику нынешней геополитической турбулентности. Проведенный анализ позволяет понять, почему современная Россия находится в крайне противоречивом состоянии: имея колоссальный экономический потенциал, она даже после 31 года после распада СССР по-прежнему не имеет важнейших отраслей экономики. Одновременно с этим она характеризуется уникальным геополитическим положением, что выводит ее в ряды наиболее вероятных претендентов на роль МЦК Пятого цикла накопления. Сами по себе эти два факта образуют мощное противоречие как внутри РФ, так и за ее пределами — в глазах политических конкурентов, что и ведет к социальному напряжению в мирохозяйственной системе. Острота указанных противоречий привела к тому, что именно Россия выступила в роли первичного детонатора геополитических сдвигов.

Для реконструкции событий, предшествовавших СВО 2022 года, привлекались смежные научные понятия: экономические (ошибка

Траута, неокOLONиализм); кибернетические (законы Эшби и Седова); управленческие (внешнее управление, гибридная война); синергетические (синергетический эффект, сложность системы, порядок, хаос); политологические (безопасность и свобода, структура власти); политэкономические (цикл накопления капитала, мировой центр капитала, норма прибыли); институциональные (перекладывание физических рисков в социальные); географические (горизонтальная диффузия инноваций); психологические (война смыслов, война нервов). Это позволило собрать воедино многие плохо совместимые явления и раскрыть логику процесса геополитической конкуренции, имевшей место последние 50–60 лет.

Итогом проведенного анализа можно считать вывод, согласно которому Россия, оказавшись в эпицентре геополитической турбулентности, не может уклониться от прямого столкновения с коллективным Западом. Отныне на протяжении последующих 15–20 лет ей предстоит пройти все тяготы Четвертой (гибридной) мировой войны. Вопрос о возможном исходе этой войны выходит за рамки данной статьи.

Литература

- Арно Д. (2009). Навуходоносор II, царь Вавилонский. М.: Молодая гвардия. 242 с.
- Арриги Дж. (2006). Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего. 472 с.
- Арриги Дж. (2009а). Послесловие ко второму изданию «Долгого двадцатого века» // Прогнозис. № 1 (17). С. 34–50.
- Арриги Дж. (2009б). Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век. М.: Институт общественного проектирования. 456 с.
- Балацкий Е.В. (2011). Концепция текучей реальности З. Баумана и ее приложения // Общественные науки и современность. № 3. С. 134–146.
- Балацкий Е.В. (2019). Измерения власти по С. Льюксу // Мир России. Т. 28. № 2. С. 172–187.
- Балацкий Е.В. (2013). Концепция сложности и экономическая теория демократии // Общество и экономика. № 5. С. 5–24.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2020). «Особый сектор» экономики как драйвер экономического роста // Journal of New Economy. Т. 21. № 3. С. 5–27.
- Волконский В.А. (2021). Смысловые установки и роль государства в эпоху многополярного мира. М.: Книжный мир. 384 с.
- Гусев А.Б., Юревич М.А., Екимова Н.А., Адвокатова А.С. (2022). Постсоветское пространство 30 лет спустя: самостоятельность vs синергия // Terra Economicus. Т. 20. № 2. С. 21–39.
- Даймонд Дж. (2010). Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ. М.: АСТ. 604 с.
- Девятков А.П. (2020а). Небополитика. Для тех, кто принимает решения. М.: ИП Соколова А.А. 280 с.
- Девятков А.П. (2020б). Разведка будущего как искусство образов и подобий. М.: ИП Соколова А.А. 276 с.
- Дзоло Д. (2010). Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 313 с.

- Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Рубикон пройден: 24 февраля 2022 г. наступил новый этап развития России в XXI веке // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 2. С. 9–30. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.1
- Комлева Н.А. (2017). Гибридная война: сущность и специфика // *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*. № 3 (167). С. 128–137.
- Льюкс С. (2010). *Власть: Радикальный взгляд*. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 240 с.
- Норт Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений*. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 256 с.
- Тойнби А.Дж. (2011). *Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад*. М.: АСТ: Астрель. 318 с.
- Траут Дж. (2009). *Большие бренды – большие проблемы*. СПб.: Питер. 256 с.
- Хантингтон С. (2021). *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ. 640 с.
- Шваб К. (2018). *Четвертая промышленная революция*. М.: Э. 208 с.
- Шебаршин Л.В. (2017). *Рука Москвы. Записки начальника внешней разведки*. М.: Алгоритм. 336 с.
- Эшби У. Росс (2021). *Введение в кибернетику*. М.: Ленанд. 432 с.
- Balatsky E.V. (2014). Prerequisites for global geopolitical inversion. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2(32), 28–42.
- Balatsky E.V. (2021). Return on equity as an economic growth driver. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(1), 26–40.
- Heinberg R. (2011). *The End of Growth: Adapting to Our New Economic Reality*. Gabriola Island, B.C.: New Society Publishers.

Сведения об авторе

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, директор, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; e-mail: evbalatsky@inbox.ru), главный научный сотрудник, лаборатория математической экономики, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47)

Balatsky E.V.

Russia in the Epicenter of Geopolitical Turbulence: Accumulation of Global Contradictions

Abstract. The article examines the situation of Russia falling into the epicenter of geopolitical shifts in 2022, when the country found itself involved in the hybrid warfare with the Collective West. The novelty of our approach consists in reconstructing key events of the geopolitical competition of the last 15–20 years with the use of an extensive range of related concepts from various fields: economics (Trout’s mistake, neocolonialism), cybernetics (Ashby’s Law and Sedov’s Law), management (external management, hybrid warfare), synergetics (synergetic effect, system complexity), political science (security, freedom, power structure), political economy (Arrighi’s cycles of capital accumulation, global capital center, rate of return), institutionalism (shifting risks from the physical world to the social world), geography (horizontal diffusion of innovations), psychology (war of meanings, war of nerves). This made it possible to bring together many poorly compatible phenomena of different nature, synthesize the concepts used and reveal the logic behind the struggle of geopolitical players for world hegemony. To deepen the analysis, we provide our own typology of world wars and their characteristics. We prove that the special military operation in Ukraine exposed the impasse of Russia’s economic policy and consolidated other countries in a hybrid war against the United States, thereby becoming a key event in history and giving rise to a global geopolitical confrontation between the West and the Non-West. Our main conclusion is that Russia

has objectively found itself in the epicenter of geopolitical turbulence, and, consequently, cannot avoid a direct collision with the Collective West; therefore, over the next 15–20 years the country will have to go through all the stages of a new hybrid world war.

Key words: geopolitical turbulence, world capital center, competition, war, world economic system.

Information about the Author

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, director, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Lane, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: evbalatsky@inbox.ru); Chief Researcher, Laboratory of Mathematical Economics, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation)

Статья поступила 01.08.2022.